

Вл.И.Немирович-Данченко:

“А политика никак не налаживается”

[16 июля 1917]
Дорогой Василий Васильевич!
Долго не отвечал Вам на Ваш за-
прос: план.

Говорят, управлять значит пред-
видеть. Едва ли в течение дня моего
встретится час, — читаю ли я, гу-
ляю ли, — когда я не думал бы о
предстоящих событиях и не пытал-
ся бы прозреть в будущее. Но сей-
час все несется с такой внезапно-
стью, с такой силой, неожиданно-
стью, изменчивостью, что не толь-
ко теперь, за два месяца, а я ду-
маю, и за две недели нельзя будет
установить сколько-нибудь ясный
план сезона.

В конце концов не стоит и гадать.
Но Театр должен быть готов для
принятия того, другого или третьего
решения.

Может быть, будет не только
возможно, но и необходимо от-
крыть сезон даже не в половине
сентября, а еще раньше. А может
быть, нельзя будет и до конца октя-
бря.

Может быть, новая постановка
станет важнейшей необходимостью.
А может быть, и еще целый
сезон в ней не будет настоящей
потребности.

Может быть, спектакли парал-
лельные у Зимина ли, где-либо в
другом месте, — потребуются в пер-
вую очередь, даже раньше, чем мы
откроем свой сезон. А может быть,
мы, по-прежнему, замкнемся в своем
Театре и откажемся от парал-
лельных спектаклей. А может
быть, придется играть только в ка-
ких-то интимных помещениях, а Те-
атр будет закрыт.

Ожидать ли благоприятного для
Театра времени, как мы поступили
в первую осень войны, начав сезон
27 октября? Или пользоваться пер-
вой же возможностью, как в 1915
году?

Действовать ли под гнетом 900-
тысячного бюджета или впереди
всего охранять достоинство своего
искусства, с верой в будущее рис-
ковать?

Как пойдут события на войне?
Как отразятся новые призывы на
нашем составе? Как будет реагиро-
вать Москва?

Как развернется наша внутрен-
няя политика? В какую сторону
сплотится кадетская партия? Что
это будет за Учредительное собра-
ние и будет ли оно? Не расширится
ли натиск к диктатуре? И к какой
диктатуре? Во что выльется боль-
шевизм? Замрет ли анархизм? Сол-
датская вакханалия. Разыгравшиеся
аппетиты рабочих классов. За-
бастовки.

Куда пойдет продовольственная
разруха? Реквизиции помещений.
Топливо, хлеб и сахар. Дождь де-
нежных бумаг. Будет ли пир во вре-
мя чумы, или люди съедятся сдер-
жанностью капиталистов?

Война, политика, продовольст-
вие...

И какую роль в гражданской жиз-
ни играют театры, искусство, дея-
тели его. Что мы из себя представ-
ляем, хорошо оплачиваемые талан-
ты: буржуазию или счастливых про-
летариев? Или менестрели, слуги
граждан и сеньюров? Жонглеры,
жакюляторы, кормящиеся подач-
ками всех, кто нас желает слушать.
Считаются ли с нами политиче-
ские партии? Или, восхищаясь нами
в дни праздничные, в часы забав,
считают нас в качестве граждан
quantite negligible?

Артисты, таланты, носители бла-
городнейших идей, высокая духов-
ная культура, жрецы, вдохновение,
храм... Сколько возвышенных ком-
плиментов надавало нам человече-
ство! И оно же: актеры, кривляки,
Шамаги, балаганщики, слуги пла-
тельщиков, развлекатели купече-
ских и аристократических домов,
замаскированные жулики, музы-
кантский стол...

Да и сами мы, кем себя считаем?
До сих пор скромно держались в

сторонке. Но скоро нас спросят: не
ужели ваша душа не переполни-
лась? Кого вы теперь хотите забав-
лять? Забронировавшихся в тылу?
Или вообще всякую господствующую
партию. Что мы ответим? Что мы
рыцари-трубадуры, гордые в
своих лохмотьях? Где тот пафос,
который понадобится для такого
ответа? Найдется ли у нас кто-ни-
будь, достойный старого носка Ке-
ренского? Или скажем искренно:
мы простые ремесленники изящных
безделушек; наш цех, как это ни
грустно для нашего артистического
величия, — тот же, что и у Фаберже,
Хлебникова, Абрикосова, Скурят-
никова, Деллоса; мы работаем на
тех, кто нам больше платит, неза-
висимо от его политических или мо-
ральных качеств, но даже — что там
церемониться — от патриотизма: ан-
гличанин так англичанин, а немец
так немец.

Кто мы? А в зависимости от отве-
та решается и линия нашего пове-
дения в то время, когда Россия так
стремительно катится под гору. Как
работать, чтобы оправдать работу?

События несутся, несутся... Я не
дописал этого письма, а известия
все новые...

Я у себя в книжке записал с ме-
сяц назад, что, по-моему, Москве
придется играть первенствующую
роль. И очень недолго этого
ждать... Сегодня (16 июля) мне ка-
жется, что это будет даже скорее,
чем я думал...

Кто это устраивает "Союз свобо-
ды и порядка"? В ближайшем вре-
мени это станет общим лозунгом.

Итак, для нас с Вами сейчас ясно
только то, что все неясно и не сто-
ит гадать.

Надо быть готовым ко всему. А
для этого главное — распределение
работ на первое время в порядке их
важности. Мое мнение относительно
того, что важнее, прикладываю
при сем. Исхожу из следующих со-
ображений планов:

1. Быть на высоте искусства.
Подчеркнуть идейность художе-
ственного театра. Считая, что Худо-
жественный театр не может быть
не-идейным в такую пору. Поднять
его знамя. Определенно, ярко, убе-
дительно.

В таком случае открытие сезона
"Розой и Крестом". Перевалив нашу
годовщину, то есть во второй поло-
вине октября. Рискую (и верю), что
убытки возвратятся с лихвой.

Репертуар строжайший: "Вишне-
вый сад", "Три сестры", "Синяя пти-
ца" (и по вечерам?), "Горе от ума",
Пушкин. На втором месте — "На
дне", Тургенев, "Смерть Пазухина",
"Мудрец". Остальное третий план.
"Федор" под большим вопросом. "У
жизни в лапах" отсутствует.

Это наиболее красиво и благо-
родно. Это то, чем мы были преж-
де, тот путь, который вел нас по пу-
ти славы.

2. Тоже открытие сезона новин-
кой, то есть тоже со знаменем, при-
чем, однако, это знамя несколько
иного цвета и подержанное.

"Село Степанчиково". В середи-
не сентября. А если Станислав-
ский, то и раньше. Если Станислав-
ский, то не задержится "Роза и
Крест" (половина ноября). Если
Массалитинов, то может быть вто-
рая постановка "Чайка", а третья
"Роза и Крест". Вообще, тут дело
несколько путанное.

Репертуар тоже строгий.

3. Художественный театр дер-
жать закрытым до того, что можно
будет поднять знамя, а до тех пор
играть на стороне, начиная с Теат-
ра Совета СРД. Играть на стороне,
чтобы приработать, а в Театре
энергично готовить открытие с
флагом.

В театре Зимина: утром "Синяя
птица", вечером "На дне"; утром
Пушкин, вечером "Хозяйка гостини-
цы". "Вишневый сад" (?Ничего не
будет слышно?).

Это, впрочем, к примеру.

Луиза — Бакланова.

4. Знамя опять откладывается, а
сезон открывается по шаблону пос-

Среди писем, которые при поддержке Российского Гуманитарного научного фонда готовятся к изданию в новом трехтомнике эпистолярии Вл.И.Немировича-Данченко, будут помечены звездочкой (как первая полная публикация), летние письма 1917 года. Они занимают особое место.

Адресованные актеру и режиссеру МХТ Василию Васильевичу Лужскому, который по должности делил с Владимиром Ивановичем груз внутритеатральных, производственных хлопот, эти письма впрямую связа-
ны с множеством деловых соображений по репертуару предстоявшего сезона (в частности, с тревогами на-
счет выпуска "Села Степанчикова").

"Добраться от К.С., что же он — хочет и будет играть или не хочет и потому, конечно, не будет. Нельзя его
заставлять... К.С. так неясно ставит свою позицию, что не разберу, как он мыслит свое режиссерское уча-
стие. Вероятнее, однако, что он считает свою режиссерскую миссию в "Селе Степанчикове" конченной. Ес-
ли его звать на репетиции, он обидится как актер, если не звать — как режиссер. Но так как впереди всего у
него будет вопрос, что нужнее для дела, то я думаю — его придется позвать только, когда Массалитинов бу-
дет уже готов, то есть на генеральные..."). Но при всей терпеливой готовности погрузиться во внутренние де-
ла и тревоги Театра, который должен начать свой двадцатый сезон, Немирович-Данченко чувствует необхо-
димость осмыслить этот юбилейный сезон в контексте исторических реальностей и делает попытки прогно-
зирования.

Рядом с письмами стояло бы опубликовать и летний ялтинский дневник Немировича-Данченко: поразительный конспект наблюдений; исторические катаклизмы, их предвестия, первые толчки отзываются в еще
нерушимом быте курорта.

Как видится перспектива семнадцатого года одному из самых вдумчивых, трезвых и глубоких людей рус-
ского искусства? О чем он думает летом — "до катастрофы", как он сам потом пометит свои листки.

Это, наверное, требует особого мужества: признать, что будущее непредугадываемо, что надо быть гото-
вым ко всему. Как бы ни повернулось — сохранять достоинство в любой ситуации.

ледних двух лет. Для новых бежен-
цев (даже писать противно) из Жи-
томира, Каменец-Подольска. Кие-
ва... На манер шакалов.

Когда открывать? Чем?

Не знаю. Все равно.

Скука, равнодушие, горечь во
рту...

Вы помните сказку о Буридано-
вом осле? Он все не мог решить, с
какой вязанки сена начать есть, с
правой или с левой. Колебался, по-
ка не умер с голоду.

Письмо (его архивный номер в
Музее МХАТа — 1062) не законче-
но и не подписано. Там же — еще
листки, вариант тех же размышле-
ний с пометкой сверху: "Писано до
ухода Львова из правительства и
до 3-5 июля и до катастрофы". До
какой катастрофы — не поясняет-
ся. Может быть, до "катастрофы на
Юго-Западном фронте" (о ней в
дневниковых записи от 6 июля
1917). Может быть, до октябрьско-
го переворота.

Говорят, управлять значит пред-
видеть. Вот тут и предвидеть, чтобы
управлять только одним неболь-
шим учреждением! Со всем тем,
что творится на свете!

Война, неразрешившаяся рево-
люция, продовольственная разру-
ха.

Можно что-нибудь предвидеть в
войне? Ясно только одно, что нем-
цы не победят. Но что это значит?
Будут ли они раздавлены, чего соб-
ственно хотят Англия и Франция,
сколько они ни соглашаются на пе-
ресмотр союзных договоров? Или
Германия будет только прижата к
стене и хорошо сохранится? И ко-
гда случится то или другое? И че-
рез какие полосы пройдет война,
пока это случится? С одной сторо-
ны, богатства Америки, Англии и
Франции, а с другой — устойчивость
германцев, их колоссальный шпио-
наж и простодушие великий Федо-

ры — России. С одной стороны, ог-
ромные средства снабжения, преи-
мущественное количество людско-
го материала, новые типы подвод-
ных лодок и аэропланов, а с другой
— роковая необходимость защи-
щаться до последней крайности
всеми правдами и неправдами, — и
в помощь Германии — большеви-
стская революция в России и Интер-
национал в Стокгольме. С одной
стороны, Англия и Америка делают
приготовления для продолжения
войны еще минимум на 14 месяцев,
а с другой — Керенский и идеалисты
из Совета рабочих и солдатских де-
путатов призывают войска к "пос-
леднему" напряжению. Кто лучше
предвидит: Керенский или Милю-
ков? Америка, Англия, Франция бу-
дут продолжать войну и без Рос-
сии, но если Федора отделится, то
превратится в нищую Персию. Если
она желает получать и миллиарды
взаимы, и паровозы, и подвижной
состав, и даже хлеб американский,
то пусть наладит свою политику
так, чтоб революция не мешала во-
евать.

А политика никак не налажива-
ется. Только что было образова-
лась хорошая революционная
власть в лице эсеров, меньшевиков
и социалистов министров Керен-
ского, Церетели, Скобелева. Эта
середина затянула к себе правое
крыло кадетов и слева части Со-
ветов солдатских, рабочих и кресть-
янских депутатов. Образовалась
сильная коалиция со всеми крупны-
ми партиями. Социалисты поняли,
что без буржуазии хотя бы левой
им идти невмоготу и что большеви-
ки мешают революции. И вдруг: по-
чему кадеты уходят из правитель-
ства? Вот самое важное явление
последнего времени. Кадеты шли
на всевозможные компромиссы.
Они соглашались то на то, то на
другое законодательство, противо-
речивое их программе. Но Финля-
ндия дала подножку, Украина вто-

рую, и кадеты, представители бур-
жуазии, откалываются. Отчего
это? Не хватило терпения? Умыва-
ют руки, не желая принять на себя
ответственность? Интеллигент-
ское охранение своего достоинст-
ва, своих убеждений? Не думаю.
Милюков слишком реальный поли-
тик, чтобы так сдаться. Реальный
политик уходит, не дожидаясь, ко-
гда "его уйдут", а когда он еще ну-
жен. Реальный политик всегда учи-
тывает свои силы и уходит, остав-
ляя молчаливый, но ясный след уг-
розы. И вот мне кажется, что на-
чавшийся уход из правительства
кадетов (присоедините к четырем
министрам еще Маклакова, сло-
жившего с себя председательство
Юридического совещания) есть
первый, настоящий, деловой, фак-
тический шаг к будущему "кризису
революции". Они учли свои силы и
решили, что они гораздо сильнее,
чем это кажется даже тем левым,
кто считает необходимым идти с
ними. Нужды нет, что они повсе-
местно на городских выборах, за ис-
ключением какого-то неведомого
города Пронска, провалились. Да-
же именно поэтому кадеты сочли
нужным еще крепче сплотиться и
заявить о себе, чтобы не дать поли-
тике государства совершенно поле-
веть. Компромиссы становятся уже
вредными, пора определить силу
буржуазии, — вот как я мыслю уход
кадетов. А сила ее, вопреки прова-
лам на выборах, выросла. На ее
стороне, во-первых, Англия, Фран-
ция и даже Америка, потому что во-
енные интересы Англии, Франции, и
даже отчасти Америки совпадают с
военными интересами русской бур-
жуазии. На ее стороне, во-вторых,
все расширяющиеся слои так назы-
ваемого "общества", которое иск-
ренне готово на сильное полеве-
ние, но которое начинает раздра-
жаться отсутствием власти, в смы-
сле послушания ей, непрекращаю-
щимися выступлениями отдельных

Земля и страна —

воинских частей, то на фронте, то в тылу, забастовками даже таких важных областей, как железнодорожная и почтово-телеграфная, оскорблениями такого министра, как Керенский или даже Мануйлов, все усиливающейся разрухой, анархией, хулиганством. Это недовольство, жажда порядка заставляет буржуазию спланировать и править. И наконец в высшей степени реальный учет сил — казачество. Неожиданное для большой публики выступление верного и преданного порядку казачества. Сила громадная, и выпустить ее из своих рук было бы кончиною буржуазии.

На крайне левом фланге все это отлично учли, в первый же день казаческого съезда. Там давно поняли, еще 10 июня, что контрреволюция это не [великий князь] Николай Николаевич, не Гучков, а Милюков и кадеты. Контрреволюция не возвращение к монархии, никто о ней не думает, никому она не нужна; не борьба царизма с республикой, а борьба буржуазной республики с пролетарской. Вот эта-то борьба только-только начинает обрисовываться. Как она развернется? Что это такое будет Учредительное собрание? Сколько времени оно продлится? Месяц, полгода или пять лет, как во Франции? Через что еще предстоит пройти до Учредительного собрания, пока оно несколько раз будет откладываться, и когда соотношение сил буржуазии и социализма станет выясняться? Какую роль сыграет крестьянство? Как же поведет себя Керенский? Как столкнется его чудесный, патетический идеализм со стремлением к реалистическому осуществлению революции, осуще-

нам ярче, определеннее, прямодушнее. Я начинаю думать, что для них искусство больше, чем для буржуазии, для которой искусство уже простая привычка. Если это так, если я не ошибаюсь, то мои личные симпатии не идут вразрез с направлением, которое должно взять искусство нашего театра. И тогда я верю, что главнейшие принципы нового курса для искусства, о которых я два года так упорно говорю, не разобчат меня с той политической платформой, куда клонятся мои личные влечения. А ведь это очень важно для работы в искусстве в то время, когда политика захватывает нас как граждан. Очень важно не чувствовать разобщенности и, во всяком случае, личного раздвоения.

И вот я подхожу к первому выводу относительно Художественного театра и еще предстоящей работы. Как и два года назад, репертуар определяется в таком порядке: 1) Чехов; 2) пьесы чистой красоты, ярко отмеченные высшей духовностью, — "Роза и Крест", "Король темного чертога"; 3) русское, реальное искусство — пусть "Село Степанчиково".

К первому нам на помощь приходит "Чайка", в третьем пьеса Толстого.*

Никаких разочарований или колебаний этот репертуар во мне не возбуждает. Путь был намечен правильно и по нему надо идти.

ствлению мирному и красивому? Найдутся ли еще среди меньшевиков люди таких талантов, как Церетели, Скобелев, или пойдут теперь уже второго сорта, вроде хлыщеватого и малотактичного Чернова или глубокопорядочного, но недотепы Пошехонова?

Должен признаться, что все мои симпатии на стороне эсеров, на стороне Керенского, Церетели и Скобелева, на стороне их умения проводить в жизнь идеализм революции, не митинговой горячностью, а тем высшим Разумом, в котором соединяются пафос и мудрость, на стороне их государственной программы. Но к моим симпатиям тянутся еще желания, чтобы были найдены возможности соглашения между этими лицам и лучшими, талантливейшими, мудрейшими из тех, кто правее. И хотя верхние слои буржуазии думают, что они лучше всех понимают и ценят искусство, но я в этом сомневаюсь. Это еще надо доказать. Конечно, буржуазия изощреннее, но за последнее время мы наглядно убедились, что всплывшие вверх революционные элементы относятся к

* "Король темного чертога" — пьеса бенгальского поэта Рабиндраната Тагора, которую ставили Н.С. Бутова и Л.М. Леонидов; спектакль был завершен уже вне стен МХТ М.Н. Германовой, игравшей в этой драме-поэме главную женскую роль. Новую постановку "Чайки" с юной Аллой Тарасовой — Ниной и с Михаилом Чеховым — Треплевым готовил К.С. Станиславский. Пьеса Толстого — "И свет во тьме светит", право на ее постановку МХТ приобрел после кончины Льва Николаевича; работа над ней (как и работа над "Розой и Крестом" Блока и над "Чайкой") после "катастрофы" уже не была доведена до премьеры.

Публикация и комментарии
Инны СОЛОВЬЕВОЙ

● Мстислав Добужинский
Эскизы декораций к пьесе
А. Блока "Роза и Крест"